

И. З. СЕРМАН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ Державина

Есть писатели, позиция которых в литературе не вызывала никаких сомнений у современников и не порождает недоумений и у тех, кому приходится иметь дело уже не с живым писателем, а с его «наследием». Конечно, разногласия в оценке места в литературной борьбе эпохи возможны по поводу творчества самых как будто бесспорных поэтов и прозаиков, даже таких как Гончаров или Баратынский. Но все же мало вероятно, что появится обоснованная точка зрения на Баратынского, например, как на реалиста или на Гончарова как на романтика. По-видимому, разногласия в оценке того, что принято называть литературной позицией писателя, зависит чаще всего от причин внутренних, от природы его творчества. Из русских поэтов XVIII в. наибольшее число взаимоисключающих определений получило за последние десять лет творчество Державина. На это обратил внимание в 1964 г. П. Н. Берков. Он писал: «Достаточно посмотреть, например, как трактуется советскими и зарубежными литературоведами творчество Державина: он и „классицист“, и „преромантик“, и „реалист“, и „представитель русского барокко“. Последнему из перечисленных литературных ярлыков особенно повезло в западном литературоведении в конце 50—начале 60-х годов: поэтом „русского барокко“ называли Державина и Д. Чижевский, и А. Андял, и А. М. Рипеллино и К. Ричча. Как мог оказаться исторически, — т. е. социально и культурно, — возможным в русской литературе „представитель барокко“ на рубеже XVIII—XIX вв., этих литературоведов не интересует».¹

¹ П. Н. Берков. Проблема изучения русского классицизма. В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 29.